

Говард Филлипс Лавкрафт

Дагон

(Dagon)

Я пишу эти строки в состоянии крайнего нервного напряжения, потому что уже нынешней ночью меня не станет. У меня нет ни пенни, и запас наркотиков, дававших мне силы жить, подошел к концу. Я не могу больше выносить эту муку и собираюсь выброситься из окна моей мансарды на грязную улицу внизу. Не считайте меня безвольным дегенератом по причине того, что я попал в рабство к морфию. Когда вы прочтете эти наскоро написанные страницы, вы, возможно, догадаетесь, хотя и не сможете понять до конца, почему мне приходится искать забвение в смерти.

Это случилось в одном из самых пустынных и редко посещаемых районов необъятного Тихого океана Пакетбот, на котором я служил вторым помощником, был атакован немецким рейдером. Великая война только начиналась, и морские силы немцев еще не достигли последующей степени деградации; поэтому наше судно было взято в плен по всем правилам, а его команде предоставили все права, положенные пленным морякам. Дисциплина у наших тюремщиков была столь плоха, что через пять дней после пленения я сумел бежать в маленькой шлюпке с достаточным запасом воды и провизии.

Очутившись наконец на воле посреди океана, я не имел никакого понятия о своем местонахождении. Не будучи опытным навигатором, я мог лишь приблизительно определить по солнцу и звездам, что нахожусь где-то к югу от экватора. О долготе я ничего не знал, и на горизонте не было никакого берега или острова. Погода стояла тихая, и бесчисленное число дней я бесцельно дрейфовал под лучами обжигающего солнца, ожидая увидеть либо проходящий мимо корабль, либо полосу обитаемой земли на горизонте. Но ни корабль, ни земля не появлялись, и я начал впадать в отчаяние от своего одиночества среди громадной синей бездны.

Изменения произошли, пока я спал. Как это случилось, я уже никогда не узнаю, поскольку мое забытие, беспокойное и полное странных сновидений, длилось долгое время. Когда я наконец пробудился, то обнаружил, что почти наполовину погружен в какую-то дьявольскую черную жижу, которая ровным слоем покрывала все пространство вокруг, насколько хватало глаз. Моя лодка лежала на некотором расстоянии от меня.

Можно предположить, что первым моим чувством было удивление, рожденное таким полным и внезапным изменением пейзажа, однако в тот момент я был больше напуган, чем удивлен. В воздухе и гнилой почве было что-то зловещее, вселявшее дрожь. Местность была усеяна костями дохлых рыб и какими-то

непонятными предметами, погруженными в жидкую грязь этой необъятной равнины. Возможно, не стоит пытаться описать обычными словами предельный ужас, таящийся в полной тишине и беспредельной пустоте. Не было никаких звуков, и глаза не видели ничего, кроме этой черной грязи; эта унылая картина в сочетании с безмолвием породила во мне тошнотворный страх.

Солнце сияло с неба, которое казалось мне почти черным в своей безоблачной жестокости; в нем словно отражалась чернильная топь под моими ногами. Пробираясь ползком к своей лодке, я понял, что мое положение может объяснить лишь одна теория. Возможно, после некоего грандиозного извержения вулкана часть океанского дна поднялась на поверхность, обнажив местность, в течение миллионов лет скрытую под бездонной толщей воды. Протяженность этой новой земли вокруг меня была столь огромна, что я, даже напрягая слух, не мог различить самого отдаленного шума океана. Не было и морских птиц, которые должны были слететься на падаль.

Несколько долгих часов я размышлял и строил планы, сидя в тени лодки, которая лежала на боку, давая хоть какое-то укрытие от медленно ползущего по небу солнца. В течение дня почва утратила вязкость и некоторое время спустя должна была подсохнуть вполне достаточно для пешей прогулки. Ночью я почти не спал, а на следующий день собрал немного еды и воды, готовясь к путешествию в поисках пропавшего моря и возможного спасения.

На третье утро я обнаружил, что почва достаточно подсохла, чтобы шагать по ней без особых трудностей. Зловоние рыбы сводило с ума, но я был слишком погружен в мысли о более серьезных вещах, чтобы обращать внимание на такие мелочи, и отважно шагал вперед, к неведомой цели. Весь день я неуклонно двигался на запад в направлении отдаленного холма, который отчетливо выделялся на фоне окружающей пустыни. Потом я остановился на ночлег, а наутро продолжил путь к холму, хотя он казался ненамного ближе, чем в тот миг, когда я начал свое путешествие. К вечеру четвертого дня я достиг подножия холма, который оказался намного выше, чем представлялось издали; от остальной поверхности его отделяла глубокая расселина. Слишком уставший для восхождения, я лег отдыхать в тени холма.

Не знаю, почему в эту ночь мои сны были особенно дикими, но когда ущербная горбатая луна поднялась над равниной на востоке, я пробудился в холодном поту и решил больше не спать. Сновидения, пережитые мною, были слишком ужасны, чтобы я рискнул увидеть их еще раз. В мерцании луны я понял, что зря путешествовал днем. Без иссушающего солнечного жара путь отнимал бы куда меньше сил; теперь я чувствовал, что вполне могу совершить восхождение, непосильное при солнечном свете. Подхватив свою ношу, я начал карабкаться на возвышение. Я уже говорил, что однообразие окружающей равнины вселяло в меня смутный ужас; но этот ужас еще более усилился, когда я поднялся на холм и заглянул на другую его сторону, в бездонную впадину или каньон, чьи темные уступы еще не могла осветить луна, не достигшая своего зенита. Я ощутил себя на краю света, склонившимся над бездонным хаосом вековой ночи. Сквозь страх

пробивались курьезные воспоминания о “Потерянном рае” Мильтона и об ужасающем падении Сатаны сквозь неопишуемые темные миры.

Когда луна поднялась выше, я разглядел, что склоны расселины не так отвесны, как мне казалось. Выступы и отдельные камни образовывали достаточно легкий спуск, а через несколько сот футов местность становилась более пологой. Охваченный внезапным порывом, который я не мог внятно объяснить, я с трудом спустился по камням и очутился на пологом склоне внизу, вглядываясь в стигийскую бездну, куда не проникал ни единый луч света.

Внезапно мое внимание привлек громадный предмет на противоположном склоне, возвышающийся над моей головой примерно на сотню ярдов; в лучах восходящей луны этот предмет отливал белизной. Я уверял себя, что это просто гигантский стоящий камень, но не мог отделаться от мысли, что его форма и положение не являются делом рук одной лишь природы. Пристальное рассмотрение наполнило меня нескрываемым возбуждением; невзирая на величину странного предмета и его пребывание в океанской бездне со времен юности мира, у меня не было сомнений, что этот монолит является объектом труда и, возможно, поклонения живых и мыслящих существ.

Изумленный и напуганный, испытывающий трепет, свойственный только открывателям и ученым, я внимательнее вгляделся в окружающую местность. Луна, почти достигшая зенита, озарила своим таинственным сиянием скалистые уступы, окружающие бездну, и оказалось, что в расселине плещется вода, уходящая вдаль в обоих направлениях и почти достающая до моих ног. На другой стороне волны омывали подножие циклопического монолита, на поверхности которого я теперь мог разглядеть надписи и грубые резные изображения. Письмо было неизвестной мне системой иероглифов, непохожих на все виденные мной в книгах и состоящих в основном из морских символов — изображений рыб, угрей, осьминогов, крабов, моллюсков, китов и тому подобного. Некоторые рисунки явно изображали морских существ, неизвестных в наше время, но я осознал, что видел их разложившиеся останки во время странствия по поднявшейся из волн равнине.

Однако прежде всего меня ужаснули резные барельефы. Легко различимые за покровом прибывающей воды благодаря своим размерам, они вполне могли вызвать зависть Постава Доре. Мне показалось, что они изображают людей или, по крайней мере, человекоподобных существ, которые резвились, как рыбы, в подводных фотах или совершали обряд в монолитном храме, по всем признакам тоже находившемся на дне океана. Их лица и очертания я не решаюсь описать детально, поскольку от одного лишь воспоминания об этом начинаю терять сознание. Превосходящие воображение По или Бульвера, они дьявольски напоминали людей, хотя обладали перепончатыми руками и ногами, отвратительно широкими и толстыми губами, выпученными глазами и другими, куда менее приятными свойствами. Странно, что они были изображены с явным нарушением пропорций; одно из созданий на барельефе убивало кита, который лишь немного превосходил его размером. Хорошо подметив их гротескные черты и необычные размеры, я тем не менее счел их выдуманскими божевами, которым поклонялось какое-то примитивное племя рыбаков или моряков; племя, последние

представители которого исчезли задолго до рождения прауродителей пилтдаунского человека или неандертальца. Охваченный страхом при взгляде на столь отдаленное прошлое, куда не простирались теории самых смелых антропологов, я глядел на луну, бросающую странные блики на сонную поверхность канала передо мной.

И тут я увидел его. Лишь слегка вспенив поверхность, из чернеющих вод показалось нечто. Оно было громадным, ростом с Полифема, и омерзительным, как две капли воды напоминая кошмарное существо с каменного монолита, к которому оно протягивало гигантские чешуйчатые руки. Крепко обхватив монолит, оно склонило ужасающую голову и начало издавать мерные звуки. Думаю, в этот момент я и лишился рассудка.

Я мало помню о своем паническом подъеме по склону, как и о безумном странствии обратно к лежащей на берегу лодке. Мне кажется, что большую часть времени я пел и дико хохотал, когда уже не мог петь. Смутно припоминаю, что, когда я достиг лодки, начался страшный ураган; во всяком случае, я слышал раскаты грома и другие звуки, говорящие о предельном буйстве природы.

Когда я пришел в себя, я находился в госпитале в Сан-Франциско, куда был доставлен капитаном американского судна, подобравшего мою лодку в открытом океане. В бреду я много говорил, но мои речи почти не привлекали внимания. Мои спасители ничего не слышали ни о каком поднятии земли в Тихом океане, и я не стал настаивать на том, во что все равно никто бы не поверил. Однажды я встретился со знаменитым этнологом и удивил его настойчивыми расспросами, касающимися легенд филистимлян о Дагоне, или Боге-Рыбе; обнаружив, что этот ученый безнадежно ограничен, я оставил его в покое.

По ночам, особенно когда луна ущербна и горбата, я вновь и вновь вижу его. Я попробовал морфий, но наркотик давал только временное успокоение и к тому же заключил меня в оковы безнадежного рабства. Поэтому я намереваюсь покончить со всем этим, оставив напоследок полный отчет для информирования или, быть может, развлечения моих современников. Часто я спрашивал себя, не было ли все это чистой фантазией, следствием солнечного удара, поразившего меня в лодке после бегства с немецкого рейдера. Так я спрашивал, но ответом мне неизменно было ужасающе живое видение. Я гнал от себя мысли о безымянных тварях, которые, быть может, в этот самый миг ходят или ползают по скользкому морскому дну, молятся их древним каменным идолам и вырезают собственные омерзительные подобию на обелисках из окруженного водой гранита. Мне видится день, когда они восстанут из пучины и протянут свои склизкие когти к горлу запуганного, истощенного войной человечества — день, когда земля уйдет на дно и темные океанские валы сомкнутся над вселенским хаосом.

Конец близок. Я слышу шум у двери, словно в нее протискивается чье-то гигантское скользкое тело. Им не найти меня. О Боже, эта рука! В окно! В окно!

1917

*Перевод Вадим Эрлихман
2003 год*